

Лепёшки, хоть и сделаны из грубого зерна, есть их очень удобно, да и стоят они недорого. Не все семьи могут позволить себе муку тонкого помола, даже в богатых домах слуги едят не только её. К тому же лепёшки, по сравнению с грубыми паровыми булочками маньтоу, всё же отличаются.

За один день запас лепёшек в мастерской был полностью распродан, и Лю Яоцин задумался о том, что мастерскую лепёшек тоже пора соответствующим образом расширить, заодно нанять людей для приготовления маньтоу.

— Рядом пустует большая комната, в два раза больше нынешней мастерской. Можно сделать проход и объединить их: там будем печь лепёшки и готовить маньтоу, — сказал Лю Яоцин. — Однако в этот раз при найме я не буду обучать грамоте и счёту.

— Нужно нанять аккуратных и расторопных людей, верно? — спросил Чжэцзы-гэ. — Только женщин и парней, мужчин не брать?

— Если найдётся подходящий мужчина, возьмём и его, но только женатого. В этом плане особых ограничений нет. К тому же в нашу мастерскую каждый день ходит столько народу, так что это не помеха. — Лю Яоцин уже всё обдумал. Приготовление маньтоу требует физических усилий, и женщине, возможно, будет сложно справляться с этим весь день, так что здесь нужны мужчины.

Они тут же договорились, а вскоре прорубили двери, выстроили печи для лепёшек и маньтоу. Жители деревни, готовые работать, уже ждали, пока Лю Яоцин их выберет.

Работа с едой не терпит небрежности, и Лю Яоцин подходил к отбору с большой придирчивостью. Тех, у кого были мутные глаза или язвы на теле, даже если они работали усердно и старательно, он не брал.

В итоге отобрали женщин, парней и мужчин, которые дома работали ловко и любили чистоту.

Им выдали единую одежду. И пусть снаружи они выглядят как угодно, но стоит войти в мастерскую лепёшек — обязательно надеть фартук и шапочку, чтобы ни один волос не выбивался. Перед работой нужно мыть руки и надевать маску.

Хотя в каждой деревне умеют печь лепёшки и в других местах это тоже умеют, когда дело доходит до покупки за деньги, люди всё равно выбирают лепёшки из усадьбы Цинь-Лю в деревне Шангу.

Все знают, что лепёшки из усадьбы Цинь-Лю чистые, их есть безопасно, и стоят они недорого.

Такой стабильный бизнес, если его наладить и расширить, может приносить доход. Конечно, нашлись те, кто тоже захотел печь и продавать лепёшки, пытаясь копировать Лю Яоцина: заставляя работников одеваться опрятно и содержать всё в чистоте.

Но эти люди могли скопировать только мастерскую, зато у них не было клубники, огурцов или помидоров, да и таких же мягких булочек из грубой муки они не могли испечь. Даже если местные жители у них покупали, бизнес всё равно не шёл ни в какое сравнение с тем, что был у Лю Яоцина.

Пока это не мешало ему зарабатывать, Лю Яоцин на такие вещи почти не обращал внимания. Главное, чтобы при упоминании лепёшек люди вспоминали деревню Шангу и Цинь-гэра, а заодно и вино «Нектар небожителей» и «Персиковый нектар». Этого было достаточно.

На этот раз наняли много людей, и Лю Яоцин присвоил каждому работнику номер, пришив его на одежду, чтобы не путать, кто есть кто.

Редко выдавалась свободная минутка. Солнечный день выдался на редкость тёплым, Лю Яоцин вынес табуретку и сел греться на солнышке. Чжэцзы-гэ вынес из дома маленький столик, поставил на него жаровню с углями, где грелась вода, и коробку с арахисом и другими снедями.

— Цинь-гэр, я слышал от работников мастерской, что жена Чжун-гэ уехала к родителям и уже несколько дней не возвращается.

— Ребёнка взяла? — спросил Лю Яоцин.

Малыш ещё на грудном вскармливании, сейчас без Вэй-ши не обойтись.

Чжэцзы-гэ покачал головой:

— Нет. Чжун-гэ уже несколько дней таскает малыша по всей деревне, пытается найти для него молока. Я слышал, что женщины с детьми боятся, как бы жена Чжун-гэ не вернулась и не устроила скандал, так что не решаются помочь.

Вэй-ши хоть и не часто выходила из дома, но несколько раз устраивала скандалы в семье Лю, даже поднималась на гору, и все в деревне знали, что она не из тихих, поэтому старались не связываться.

Лю Яоцин взял арахис и сунул в рот:

— У бабушки есть мука тонкого помола. Пусть достанет немного и сварит малышу кашу, постепенно выкормит и так. То, что жена Чжун-гэ бросила ребёнка и уехала к родителям — это лишь предлог, скорее всего, она просто сбежала.

Побывав в уездном городе с Чжао Фэйтэном и познав роскошь, она, вероятно, больше не захочет жить с Чжун-гэ в бедности, питаясь одной шелухой. Если не сбежит сейчас, то сбежит потом. Вэй-ши не та, кто умеет вести хозяйство, хотя в своё время вся семья согласилась на её брак с Чжун-гэ.

Только они это обсудили, как появился Чжун-гэ с ребёнком на руках.

Всего за несколько дней малыш, оставшийся без молока, заметно похудел и выглядел вялым. Лю Яоцину было его жалко смотреть, но он не хотел действовать глупо, поэтому спросил:

— Чжун-гэ, у тебя совсем нет денег, чтобы купить муку тонкого помола?

— Все деньги забрала мать ребёнка, приданое и одежду тоже всё унесла, — мрачно ответил Чжун-гэ.

Стало понятно, почему Чжун-гэ не поехал к родителям Вэй-ши требовать её возвращения — он, наверное, знал, что она сбежала.

Лю Яоцин знал, что он, наверняка, так и думал, но не одобрял этого, поэтому сказал:

— Чжун-гэ, подумай сам: ты хочешь смотреть, как твой сын растёт без матери, голодает и, возможно, даже не выживет, или готов начать жизнь заново? Я ведь говорил раньше, что она не для семейной жизни, и советовал тебе хорошо присматривать за сыном. Тогда я не говорил

тебе следить за имуществом семьи, а ты...

Когда Чжун-гэ впервые встретился с Вэй-ши, он вкусил сладкого и потерял голову.

Теперь, прожив с сыном несколько дней, туман в голове Чжун-гэ наконец-то начал рассеиваться. Он сжал губы и сказал:

— Цинь-гэр, я понимаю, что ты прав. Не просто так я пришёл к тебе. Я хочу спросить, как мне разорвать отношения с женой, чтобы в будущем я мог сам воспитывать сына, а заработанное копить, чтобы ребёнок не страдал.

Глупый человек живёт в неведении, но когда он прозревает, то прозревает окончательно — это как у тихого человека, который вдруг внезапно вспыхивает гневом, и этот гнев будет бурным.

— Возьми с собой людей, с которыми ты в хороших отношениях, тех, кто умеет говорить, неважно, парни это или мужчины, чем больше, тем лучше. Иди к её родителям устраивать скандал. Требуй вернуть пропавшие деньги, заставь тестя пойти в ямэнь и подать на развод. После этого у тебя будут деньги на содержание сына, и ты сможешь жить нормально. Если ты не можешь этого сделать, то возвращайся к прежней жизни и больше не приходи на гору.

Лю Яоцин подумал и добавил:

— Дедушка, бабушка, дядя и тётя, конечно, не согласятся на такой скандал, но жить тебе, а не им. Прожив с малышом эти несколько дней, ты должен был понять: эти люди не помогут тебе растить сына и не дают тебе шуметь. Подумай сам, что у них на уме.

Чжун-гэ тогда ничего не ответил, но, вернувшись домой, высказал свои мысли.

Старик Лю сразу же помрачнел и сказал:

— Нельзя, семья Лю не может позволить себе такого позора.

— Я думаю, она всё равно вернётся, тогда мы ходим к её родителям и потребуем немного денег, этого хватит. Сыну-то деньги на жизнь нужны...

Лю Цюаньфу уже начал мысленно подсчитывать выгоду: если ходить к ним то и дело требовать денег, разве это плохо?

Чжун-гэ нахмурился. Если бы он действительно позволил Лю Цюаньфу пойти туда, деньги, даже если бы их удалось выбить, вряд ли попали бы к нему в руки.

Всё происходило ровно так, как и говорил Цинь-гэр, — это были его родственники, но сейчас никто из них по-настоящему не заботился о нём. Сын голодал, сил даже плакать не было, Ли-ши и младшая Ли-ши видели это, но на лицах их не дрогнул ни один мускул.

В главной комнате дома была мука тонкого помола, но Ли-ши не выдала ни зёрнышка.

В этот момент Чжун-гэ вдруг почувствовал холод в душе. Он мыслил яснее, чем когда-либо, и осознал, как глупо поступал раньше, совершая такие поступки, о которых стыдно и говорить. Особенно то, что он позволил Лю Цюаньфу уговорить себя отправить Юй-гэра в городок.

За обедом он больше ничего не сказал, а поев, взял малыша и вышел из дома. За эти годы у него были знакомые честные семьи, нашлись бы и желающие помочь.

Эти люди оказались не глупыми и, услышав, что это совет Цинь-гэра, даже те, кто изначально не хотел помогать, согласились сделать ему одолжение, что удивило Чжун-гэ.

Толпа людей гурьбой покинула деревню и направилась к родителям Вэй-ши.

С таким напором и красноречием они выступали один за другим, что родители Вэй-ши, не подготовившись к такому, проговорились, что перед уходом она отправляла домой деньги.

Эти деньги они все вместе выпросили обратно и передали Чжун-гэ, а затем гурьбой отправились в ямэнь, чтобы официально оформить развод.

Услышав об этом, Лю Яоцин улыбнулся:

— Если бы Чжун-гэ пошёл туда один, его родственники и друзья созвали бы целую толпу и, чего доброго, избили. В таких делах разговоры бесполезны, нужно действовать.

<http://bllate.org/book/16688/1532184>